

2. Кого не видит директор

Т сатр починается с вешалки», — говорил К. С. Станиславский. И эти слова, наверняка, вспоминает не один зритель, снимал с себя тяжелое земное одеяние. Каждому памятно, какими длинными кажутся минуты, проведенные у вешалки, когда впереди ожидается чудесный, неповторимый мир сцены. И, наверно, поэтому с такими добрыми чувствами мигие произносятся искреннее «спасибо» гардеробщицам А. О. Рудневой и А. А. Шестаковой, быстро, но без всякой суеты освобождающим зрителей от пальто, шапок и галюш.

...И, наконец, спектакль начался. Сегодня — «Евгений Онегин». Звучит волшебная музыка Чайковского.

И вряд ли кто-нибудь из зрителей думает о том, сколько напряженного труда пошло на создание этого чудесного спектакля, сколько людей внесли пусть скромную, но необходимую лепту в общее, коллективное дело.

Новосибирский театр оперы и балета — это целый комбинат, включающий в себя двенадцать постановочных цехов. Нет нужды перечислять их все. Достаточно сказать, что без любого из них, будь то столярно-поделочный, обувной, бутафорский или красильный, спектакль не может выйти на сцену.

В машинно-декорационном цехе работает молодежь, пожалуй, больше, чем в каком-либо другом. Рабочие этого цеха отвечают за очень важный участок — они готовят сцену к спектаклю. Не так-то это просто — за какие-нибудь десять минут антракта «воздвигнуть» на сцене старинный замок или «посадить» волшебный лес со страшными чудовищами, «построить» зал для блестящего петербургского придворного бала или «сделать» наводнение, как в балете «Медный всадник».

Люди, работающие в этом цехе, как и вообще все в театре, любят и гордятся своим делом. И Владимир Иванов, и помощник машиниста Анатолий Душнов, и рабочий сцены Эдуард Вонюг, и многие другие постоянно охвачены стремлением что-то изменить, улучшить в своей работе. Вот недавно они ввели в практику закрепление постоянных рабочих за отдельными деталями декораций. Это приводит к большой экономии во времени и в труде.

Без света нет спектакля, — часто можно услышать в театре. И это не слова. У комсомольца Романа Рахимова очень сложное хозяйство. Те, кто бывают в оперном театре, вероятно, обратили внимание на возвышение на сцене, сразу же за оркестром.

Это световой пульт — командный пункт осветителей. Комбинируя различные оттенки света, путем очень долгих поисков, они создают поистине чудеса. Во власти осветителей сделать на сцене дождь, снег, ветер. Зрители, которые так горячо аплодировали картине восхода солнца в сцене дуэли в опере «Евгений Онегин», не подозревали, что это тонкое дело рук Рахимова.

Много молодежи работает в пошивочном цехе. Для работы в пошивочном, как и в любом другом производственном цехе, нужно быть тоже творческим человеком. Постоянно искать лучшего, болеть за порученное дело, добиваться, чтобы вещи, выходящие из твоих рук, способствовали общему успеху спектакля — эти мысли и чувства характерны для большинства рабочих.

Перед нами два парядных платья: одно нежнорозового цвета с отдельной из кружев, второе — белое. Оба они предназначены для певички Риммы Жуковой, дебютирующей в партии Виолетты (опера Верди «Травиата»). Сколько кропотливого труда на них затрачено Тамарой Межиной и Галиной Столбовой! Перебирая руками складки, Тамара с горечью говорит:

— Если бы вы знали, как мы все болеем душой за каждый

костюм. Сделав платье, так оно прямо дышит. Несешь его в костюмерную, как ребенка грудного, чтобы только не забыть. А вот некоторые актеры, особенно в балетном цехе, не берегут наш труд. Им ничего не стоит прямо в костюме пойти в буфет, потолкаться среди товарищей. И в результате — то жирное пятно посядет, то оборку оборвут...

Но не только это обижает девушек. Бывает и хуже.

...Очень обидно, когда директор театра, как и зрители, не замечает «маленьких» винтиков, без которых спектакль невозможен. Но если у зрителей это невнимание происходит потому, что они не знают специфики театра, то у т. Зельманова оно часто происходит по другой причине: из-за равнодушия.

Два года Мария Карпова и Нина Позднеева, работницы гримерно-парикмахерского цеха, живут в трудных условиях. Место, где стоят их кровати, даже нельзя назвать жилым помещением, это — лестничная клетка на чердаке театра, без дневного света, без отопления. Когда девушки, не имея ничего лучшего, вынуждены были поселиться здесь, т. Зельманов «заботливо» их предупредил: «Имейте в виду, помещение нежилое». Кстати говоря, это не помешало директору удерживать из зарплаты девушек за склад, в котором они ночуют, 70 рублей в месяц. Прошло два года. Сдано в эксплуатацию новое крыло театра с квартирами, а у Марии и Нины ничего не изменилось. Для них не нашлось там даже угла.

Очень тяжелое положение в квартире и у некоторых других рабочих производственных цехов. Мучаются без своего угла Л. Парфенова из гримерно-парикмахерского, Мурашкина и Чурикина из пошивочного. Мы понимаем, что обеспечить всех сразу жильем невозможно. Но, думается, что т. Зельманов смог бы при желании изыскать возможность хоть как-то устроить людей.

Забота и внимание к человеку не только в том, чтобы обеспечить его жильем. Следить за производственным ростом работника, своевременно присваивать ему более высокий разряд — проявление другой стороны заботы о людях. Разве можно признать нормальным, что работница гримерно-парикмахерского цеха Мария Карпова и Нина Позднеева вот уже более трех лет числятся ученицами, хотя давным давно выполняют работу квалифицированных мастеров?

Вполне естественно, что люди всегда волнуют вопрос их трудоустройства и бытоустройства. Не представляют исключения в этом отношении и те, которые трудятся в театре. И очень горько слышать человека, проработавшему в коллективе много лет, полюбившему свое дело, в ответ на свои справедливые претензии равнодушные и безразличные директорские слова:

— Комнаты нет и не ждите. Не нравится работа — можете увольняться. На ваше место найдем другого.

О. АЛЕКСАНДРОВА.